

С типичной функциональностью языка Механикус девять машин, покидавшие высокие корпуса огромных посадочных модулей, называли сухопутными левиафанами. Робаут сразу же увидел, что это были слишком слабые слова для подобных колоссов. Ни одна из них не была ниже пятидесяти метров, а одна почти в два раза возвышалась над остальными. Большинство двигались на гусеницах в десятки метров шириной, некоторые на огромных сверхплотных колёсах, размером со средний дом, а оставшиеся на огромных громохавших механических ногах.

Все они отличались, потому что были созданы за бесчисленные века на разных мирах-кузницах, а их строители обладали различными технологическими ресурсами, материалами и эстетическими представлениями. По некоторым признакам можно было заметить, что большинство обладали одинаковым шасси, но полученные в боях повреждения, столетия интенсивной эксплуатации, усовершенствований и улучшений направили их развитие по разным путям. Независимо от способа передвижения каждый сухопутный левиафан представлял собой мобильную гору с совершенно бессистемно установленными башнями, казавшимися ненадёжными подмостками и штампованными профилями, назначение которых Робаут не мог понять.

Каждый нёс гордое имя и красовался геральдикой родного мира-кузни и бинарной информацией, символизирующей принадлежность к различным силовым блокам Механикус. Из сотен выхлопных отверстий поднимались шлейфы отработанных газов, а вокруг зубчатых надстроек искрились электрические разряды.

Самым грандиозным из них был “Табуларий”.

Сухопутный левиафан архимагоса Котова передвигался на пятидесяти огромных трапецевидных ногах, которые располагались параллельными рядами по двадцать пять, и каждый ряд был триста метров длиной. Корпус соединялся с ногами при помощи гигантских выдвигаемых колонн: сложной системы из жёстких механических мышечных поршней и шарниров-шестерёнок. На каждой виднелись десятки рифлёных кабелей и линий электропередач, которые в свою очередь соединялись с молотильными рычагами, гремевшими назад и вперёд на двигательных палубах. Каждая чудовищная нога поднималась на пять метров, перемещалась вперёд, а затем с грохотом опускалась, с оглушительным эхом раскалывая землю.

Как и “Сперанца” он был стар, но если ковчег Механикус оказался среди звёзд относительно недавно, то говорили, что “Табуларий” прокладывал путь по мирам во время Великого крестового похода. На огромном корпусе в слоях стратифицированной рубцовой ткани виднелись свидетельства тех давних лет – одни он заработал в боях, другие в не менее жестоких приступах модернизации и расширения.

Наружный слой каменной кладки и стали придавал верхней части вид большого каменного города, напоминая древнюю Трою или Александрию, которые обрели способность передвигаться. Фронтальную секцию венчал конический нос, как у галеонов древности, где размещался защищённый пустотными щитами купол из полированного розового мрамора, золота и серебряной стали.

Внутри позолоченного купола “Табулария” эстетика океанского галеона сохранялась в тёплой древесине и медных предметах, располагавшихся по всей командной палубе. Начищенный паркет отражал диффузный свет свисавших с арочного свода люминесцентных сфер, и каждый из сотни сервиторов и трэллов носил парчовые сюртуки насыщенного тёмно-синего цвета.

С потолка свисал руль огромного судна, архаичное средство контроля, но по марсианской легенде это был штурвал с флагмана великого терранского адмирала Старой Земли, который забрали после блистательной победы при Тараф-аль-Гарбе. Им управлял магос Азурамаджелли при помощи аугметированного сервитора, чьё тело пересадили в биоинтерфейсную колонну, а руки заменили поршневыми бронзовыми кронциркулями. Конечности-манипуляторы Азурамаджелли идеально подходили для управления сухопутным левиафаном, но он предпочитал контролировать “Табуларий” через помощника-сервитора ещё с тех пор, как обладал органическим телом.

Сейчас же магос астронавигации представлял собой сочленённый стальной каркас с несколькими стеклянными колпаками, подвешенными в противоударных полимерах. Прочные, как алмаз контейнеры хранили мозговое вещество Азурамаджелли, каждая отрезанная часть покоилась в биопроводящем геле и параллельно соединялась с когнитивными машинами “Сперанцы”, смеясь в лицо закону Амдала.

- Так держать, - сказал Азурамаджелли. - Бригады плазменных реакторов сообщают о достижении устойчивой температуры, а со всех двигательных палуб докладывают о полной готовности. Отдать приказ, архимагос?

- Что за идиотский вопрос? Разумеется, отдать приказ, - раздражённо произнёс Котов, его гнев был столь силен, что взял верх над обычно нормальными логическими процессами. - Я хочу, чтобы мы не теряя ни секунды, направились за этим чёртовым “Громовым ястребом”, Азурамаджелли. Ты слышишь меня? Пусть реакторы раскалятся докрасна, а двигательные бригады работают до смерти, если мы сможем добраться до “Томиоки” быстрее.

- Как прикажете, - ответил Азурамаджелли, передав силу команды архимагоса на технические палубы кратким взрывом бинарного кода.

Командный трон левиафана располагался на наклонном помосте из красного дерева с золотистыми оуслитовыми прожилками, и был оборудован многочисленными управляющими интерфейсами. Котов выбрал для себя тело из блестящих пластин нефрита, за которыми скрывалось гибридное объединение искусственной нервной системы и умело чередующейся кибернетики былой эпохи. Его фигура с идеальными пропорциями создавалась по лекалам погребённых королей давно умершей культуры Терры, чьи жрецы умели сохранять биомассу своих правителей на протяжении тысячелетий.

Бритая голова Котова блестела свежими священными крестильными маслами, а спинные разъёмы соединяли архимагоса с ноосферной сетью левиафана и растущим инфотоком. В это же время глава экспедиции подсознательными тактильными жестами просеивал сводные данные, которые ему передавали магосы-командующие остальных сухопутных левиафанов.

Он разделил сознание между несколькими потоками параллельно обрабатываемых данных, отгородив их в изолированных участках разума. Трижды очищенные масла горели на его плечах в жаровнях, вырезанных в форме рычащего легендарного “Арес Ликтора”, помогая рассеивать избыточное тепло увеличенных познавательных способностей. Несмотря на многочисленные автономные потоки в системах управления “Табулария” высшие мыслительные функции Котова поддерживали связь с магосом Блейлоком и “Сперанцей” на орбите.

Механические пальцы Котова выбивали ритмичную дробь по подлокотнику трона, а на его теле вспыхивали отблески вращавшихся световых панелей. Более тысячи значков размером с песчинку окружали архимагоса, словно облако танцующих светлячков, каждый служил идентификатором и показывал прогресс в продвижении к тому месту, где покоилась “Томиока”.

Кроме Чёрных Храмовников, чей десантно-штурмовой корабль сорвался с привязи и умчался вперёд.

Первой реакцией Котова была ярость: это была его экспедиция, собранная его волей и ведомая к его цели, но мгновения рвения крестоносцев хватило, чтобы Чёрные Храмовники украли у него момент величайшего триумфа.

Но в шести километрах от источника сигнала “Томиоки” ретранслятор “Барисана” отключился.

Стоявшая около ауспика Линья Тихон пыталась восстановить связь с сержантом Танной, но пока все её усилия не увенчались успехом.

- Где они? - властно спросил Котов, когда - даже после тысячи анализов - он так ничего и не узнал о местоположении космических десантников. - Почему ауспик не может зафиксировать ретранслятор их корабля? Ведь даже Храмовники не настолько глупы, чтобы вмешаться в его работу?

- Согласно, это маловероятно, - ответила Линья Тихон, просеивая миллионы информационных показателей, поступавших с внешних топографов. “Табуларий” обладал тысячами всевозможных ауспиков, но не один не мог найти “Барисан”. Если не обращать внимания на едва заметный блеск аугметики ниже волос и многочисленные кольца медных проводков, видневшиеся из рукавов алой мантии, её можно было бы принять за обычного человека, но ничто не было более далёким от правды.

- Возможно, Храмовники отключили ретранслятор? - спросил Котов Линью, но женщина покачала головой.

- У них нет технодесантника, - ответила она. - Хотя меня больше беспокоит тот факт, что из места, где был потерян сигнал, не поступают данные ни от ауспика, ни от дистанционных дронов-топографов.

- Слепая зона? - спросил Котов. - Такое не редкость на подобных энтропийных мирах.

- Так и есть, - согласилась Линья, - но экстраполирование искривления слепой зоны указывает на идеально круглую тень мёртвого пространства с центром прямо на "Томиоке".

Котов загрузил данные Линьи и увидел, что она права. То, что он принял за помехи сенсоров, вызванные гибелью планеты, по факту оказалось столь геометрически правильным, что не могло не являться искусственно созданным.

- Не нужно быть технадесантником, чтобы отключить ретранслятор, - возразил Криптаэстрекс, стоявший возле поста управления двигателями, его массивное тело скорее напоминало ранние модели боевого робота предшественников Марсианского Духовенства, чем высокопоставленного магоса логистики. - Один из них легко мог испортить его, вполне ожидаемый поступок от не-Механикус.

ервоконечности Криптаэстрекса и грубо сочленённые руки плотно прижимались к телу, их большие зажимы больше подходили к промышленным деталям технической палубы, чем к требующим осторожного обращения загрузочным портам командного мостика.

- Нет, - настаивала Линья. - Вы приравниваете их рвение к глупости. Космические десантники с высочайшим почтением относятся к своему боевому снаряжению, это распространяется и на транспортный корабль. Ни один воин не совершит такую глупость, рискуя повредить машину, на которой он направляется в бой.

- Кроме тех случаев, когда они не собираются участвовать в бою, - произнёс магос Хиримау Дахан, секутор кланов скитариев "Сперанцы", прохаживаясь по палубе, словно робот-охранник с ошибкой бесконечного цикла в диске задач. - Это - исследовательская миссия.

- Не удивлюсь, если Чёрные Храмовники знают что-то, чего не знаете вы, - сказал скрипучий голос с чередующимся тембром, напоминавший звуки неисправного вокс-передатчика.

Дахан посмотрел на заговорившую с ним мерзость, и его инфоток затуманился символами угрозы боевых программ. Точная оптика Котова отметила, что органические части тела Дахана всё ещё приспосабливались после превосходного ремонта Тарентека, исправившего повреждения от термической ударной взрывной волны плазменного деструктора "Лупы Капиталины". Дахану ещё требовалось время для полной синхронизации с системами смертоносных технологий и несколькими оружейными руками, но секутора нельзя было назвать магосом с большим запасом терпения.

- Не удивлюсь, если ты знаешь что-то, чего не знаем мы, - прорычал Дахан, согнув нижние руки в боевой готовности. - Что-то что ты не рассказала нам об этом мире.

Существо, к которому обращался Дахан, называло себя Галатеей и являлось биомеханическим извращением всех Универсальных законов Адептус Механикус.

Внешне оно было не столь уж и необычным в сравнении со многими химерическими адептами Культа Механикус: массивное тело состояло из низкого паланкина разнообразных машинных частей, собранных в нечто среднее между пауком и скорпионом. В центре конструкции располагался манекен в багровой мантии, созданный в виде адепта Механикус с серебряными глазами. Его окружали семь мозгов, плававших в биопитательном геле в контейнерах и соединённых пульсирующими электрокабелями.

Самим своим существованием Галатея оскорбляла Механикус – способная эвристически мыслить машина, которая тысячи лет убивала жрецов, направленных на её манифольдную станцию. Она встраивала их мозги в свою нейронную архитектуру и прошла быстрое развитие по направлению к ужасающей и давно объявленной вне закона форме искусственного интеллекта. Но когда украденный разум понимал, что навечно оказался в ловушке внутри искусственной нейроматрицы, то неуклонно погружался в бездну безумия.

Если машина решала, что разум больше не пригоден для использования, мозг вырезали из гештальт-сознания, готовясь к следующему ужасающему внедрению.

- Ну? – не уступал Дахан, слышались щелчки, когда он обнажил шоковые клинки нижних рук. – Ты знаешь что-то об этом мире, что не сказала нам?

В любой ситуации, которую предстоит решить насильем, Котов мало кого из Культа Механикус хотел бы видеть рядом вместо Хиримау Дахана. Но Галатея так глубоко проникла в системы управления “Сперанцы”, что любая попытка навредить её грозила обернуться для ковчега Механикус катастрофой. Котов не сомневался, что Дахан может убить Галатею, но как бы быстро он это не сделал, у машинного интеллекта будет более чем достаточно времени уничтожить “Сперанцу”.

Мерцающий свет пробежал между соединёнными мозгами Галатеи. – Мы чувствуем, что за вашим беспокойством стоит большее, чем исчезновение боевого корабля Адептус Астартес. Разве вы не изменили своё мировоззрение, чтобы принять наше существование?

- Вы и так знаете, что Механикус никогда не смирятся с вашим существованием, – произнёс Котов, встав с трона и направляясь к системам топографов и ауспиков. – Поэтому, почему бы просто не ответить на вопрос секутора? Вы знаете, что случилось с Чёрными Храмовниками?

- Мы не отвечаем, потому что гнев магоса Дахана развлекает нас, – сказала Галатея, проигнорировав вопрос Котова и лязгая по палубе на разрегулированных конечностях. – Когда вы проведёте в одиночестве четыре тысячи шестьдесят семь лет, вы будете искать развлечения во всём.

- Я не проживу так долго.

- Проживёте. Магос Телок же смог.

- Откуда вы знаете? - спросила Линья Тихон, подняв взгляд от синих данных ауспика. - С тех пор как он прибыл сюда прошли тысячи лет.

Галатея предупреждающе погрозила пальцем. - Из всех людей вы должны знать это лучше остальных, госпожа Тихон. Разве не вы обнаружили несоответствия течения времени, что и стало первой причиной, почему вы с отцом согласились сопровождать мага Котова? Вы видели полученные топографами "Сперанцы" данные. Вы знаете, как сильно в этой области космоса нарушен временной поток энергии. Немногие уцелевшие за галактической границей звёзды стареют гораздо быстрее, чем должны, за мерцание астрономического глаза превращаясь из звёзд главной последовательности в красных гигантов. Если это происходит то, кто знает, чего может достигнуть человек, использующий такие энергии? И человек, способный преобразовывать жизненные циклы сил бытия, конечно же, является индивидом, способным выйти за пределы отмеренного ему времени и использовать подобную технологию для других целей.

- То есть вы хотите сказать, что тень является побочным продуктом деятельности мага Телока? - уточнила Линья.

- Мы полагаем, что это, безусловно, интригующая возможность, - ответила Галатея.

- Эта тень как-то меняется? - спросил Котов.

- Я не обнаружила заметных изменений на поверхности планеты, - ответила Линья, выводя на передний план географическую схему ландшафта. - Но данные отца на "Сперанце" указывают на мощный источник энергии, достигающий космоса в исходной точке, которая точно соответствует тому, что было бы краем теневой сферы, сфокусированной на "Томиоке". Мы не можем узнать, что находится в тени, но мы фиксируем, что её покидает что-то вроде резко нагретого экзотического излучения и волн материи, неизвестных ни одной базе данных Механикус. Магнитные аномалии и поток частиц неопределённого заряда поднимаются из ядра планеты, подобно электромагнитному вулкану, с достаточной силой, чтобы достигнуть экзосферы.

Котов подошёл ближе, изучая изображение на столе ауспика.

Карту отцентрировали на сухопутном левиафане, но она была зернистой и подёрнутой непонятной статикой, хотя обычно многочисленные топографы "Табулария" справлялись с любыми помехами. Карта в реальном времени показывала ландшафт в радиусе ста километров. В шестидесяти километрах к югу от посадочных площадок в самом центре тени находился объект их поиска.

Место, где покоился потерянный флагман мага Телока.

- Есть ещё какие-нибудь эффекты тени, кроме того, что мы не знаем, что находится в её пределах? - спросил Дахан. - Они опасны?

- Для людей или машин?

- Для обоих.

- Я не рекомендовала бы длительное воздействие, но одновременное нахождение внутри тени в течение нескольких часов в экранированных космических скафандрах должно быть безопасно для скитариев, - ответила Линья.

- И для машин? - уточнил Котов.

Линья покачала головой. - Позвольте мне сказать так, архимагос. Учитывая, как мало мы знаем об истинной природе тени, я не рискнула бы входить в неё в чем-то, что не передвигается по поверхности.

- Отличное предложение, госпожа Тихон, - сказал Котов, открыл зашифрованный военный вокс-канал и стал ждать связи. Вокруг его инфотока появился агрессивный бинарный код, карта исчезла, а в центре стола замерцал канидайский символ легио Сириус.

+ Говорит Зимнее Солнце, что вам нужно. +

- Принцепс Лют, - произнёс Котов. - Мне нужны ваши разведывательные титаны.

Их роли на нижних палубах возможно и изменились к лучшему, но в ежедневном существовании одна вещь оставалась неизменной, и это было качество еды. Пищеблок-86 по-прежнему представлял собой вместительный зал стучащих столовых приборов и ворчащих людей, пытавшихся съесть столько еды, сколько удалось урвать. В теории каждый крепостной должен был получать равную долю пищи от сервиторов, но и как во всех оказавшихся в изоляции больших группах сильные оставались сильными, отнимая еду у самых слабых.

Не то чтобы Авреему, Хоуку и Койну приходилось беспокоиться об этом благодаря присутствию Крушилы, огрина, которого схватили вместе с ними на Джоуре вербовщики Механикус. Крушила погиб, его убил воин-эльдар, которого прикончил Авреем, но даже без громадного напарника у них не было причин волноваться о недостатке еды.

Теперь у них её было слишком много: на столе лежали обетные дары и подарки от тех, кто слышал о чуде с плазменным пистолетом и слухи о Расселасе-42. Когда Авреем вернулся в столовую с новой бионической рукой, то только ещё сильнее укрепил свою репутацию привилегированного сына Омниссии.

- Не поймите меня неправильно... - произнёс Койн, запихивая кусок чёрствого хлеба в рот. Даже несмотря на то, что он смочил хлеб бежевой пастой из штампованного пластмассового подноса, ему потребовалось ещё почти тридцать секунд, чтобы прожевать кусок до такой степени, чтобы продолжить говорить. - Хорошо, что наше положение изменилось и новая

работа в храме-кузне Тарентека просто благословение, но есть какой-нибудь способ использовать твоё... влияние, чтобы получить еду получше, чем это дерьмо?

- Мы не должны пользоваться нашим положением - ответил Авреем.

- Да ладно, Ави, - не согласился Хоук. - Какой смысл быть кем-то и не пользоваться своим положением?

- Но я не кто-то, - возразил Авреем.

Хоук усмехнулся, сложив руки в молитве. - Сказано, как человеком истинной божественности.

- Ты слышал, как они называют тебя? - заговорщическим шёпотом спросил Койн.

- Нет, как?

- Виталист, - ответил Койн. - После того, что ты сделал с Исмаилом.

Авреем повернулся на скамейке и между столами туда, где Исмаил де Рёвен, некогда бывший его начальником на Джоуре, а теперь ставший киборгом-сервитором, положил поднос с едой перед сгорбившим плечи крепостным. Как и сотни других сервиторов в столовой Исмаил следовал неизменной схеме поведения: разносил еду, собирал подносы и чистил зал для следующей смены.

- Я ничего не делал. Черепной капюшон Исмаила повредили, когда Механикус продули нижние палубы, спасая корабль от плазменного разряда. Удар восстановил то немногое, что осталось у бедняги после трепанации, а не я.

- Да, но затем-то он же пришёл к тебе? - спросил Хоук, достаточно громко, чтобы слышали люди в радиусе ближайших двух столов. - Не нужно быть учёным, чтобы понять, что ты имеешь к этому какое-то отношение.

- Но я не имею к этому никакого отношения, - раздражённо прошептал Авреем, увидев, как Исмаил остановился и повернулся в его сторону, словно узнал, что о нём говорят. Он едва заметно кивнул Авреему, и продолжил работу. Каждый крепостной, мимо которого проходил Исмаил, старался прикоснуться к рукам и предплечьям сервитора, словно тот являлся божественным талисманом.

- Если дело было во мне, то не думаешь, что в таком случае я вернул бы ему всю память? - продолжил Авреем. - Каким ублюдком нужно быть, чтобы восстановить только половину фактически мёртвого мозга? Свет Тора, ты можешь представить, что это за жизнь? Знать, что ты всего лишь бессмысленный дрон, но помнить разбитые фрагменты своего старого я... это - чудовищно.

- Лучше, чем то, кем он был, - сказал Койн.

- В самом деле? Не уверен. Думаю, если бы он знал, сколько потерял, то захотел бы вернуть неведение.

- Смотрите, - прервал спор Хоук. - Идёт драконий мальчик.

Авреему не нужно было смотреть, чтобы узнать о приближении Тота Мю-32, и он пожалел, что так и не рассказал Хоуку с Койном, что надсмотрщик поведал ему о секте, искавшей тех, кого считала благословлёнными Машиной.

Надсмотрщик склонился над столом и произнёс:

- Вам нужно уходить. Немедленно.

Авреем посмотрел на него и увидел подлинный страх на лице Тота Мю-32, который не могли скрыть даже имплантаты.

- Что происходит?

- Я же говорил вам, что старшие магосы не потерпят, чтобы вы управляли аркофлагеллантом, помните?

Авреем кивнул.

- Они идут. Прямо сейчас. Сайиксек в пути и он потребует, чтобы вы передали ему Расселаса Х-42. Затем он убьёт вас и ампутировать аугметическую руку.

- Что же нам делать? - спросил Койн, все мысли которого о более качественной еде мгновенно улетучились.

- Уходить. Немедленно. Найдите какое-нибудь укрытие, - сказал Тота Мю-32. - Я знаю, что у тебя есть несколько самогонных аппаратов, спрятанных ниже ватерлинии, крепостной Хоук. Отведи Авреема к одному из них и не говори мне к какому. Ты понял?

Хоук собрался было заявить, что понятия не имеет, о чём говорит надсмотрщик, но затем просто кивнул.

- Да, конечно. О'кей, вперёд.

- Слишком поздно, - сказал Авреем и в это время сквозь арочный вход в Пищевблок-86 вошёл

магос Сайиксек в сопровождении двадцати скитариев. Авреем встал из-за стола и начал искать другой выход, но у противоположного входа появились ещё двадцать скитариев.

- Всё, - сказал он, повернувшись к товарищам. - Отойдите от меня или они заберут и вас.

- Уже, - ответил Хоук, уже отступив к толпе крепостных. Койн последовал его примеру, что не удивило Авреема. Напарник-крановщик всегда больше интересовался собой, чем какими-либо представлениями о товариществе, но Авреем не мог на него сердиться. Если Механикус и в самом деле собирались убить его или решили забрать для какого-то жёсткого допроса или специального наказания, то пусть лучше схватят только его.

- Как жаль, что ты оставил X-42 в спальном отсеке, - сказал Хоук на прощание. - Похоже, сейчас он бы тебе пригодился.

Скитарии приблизились к Авреему и Тота Мю-32, и они оба оказались в кольце воинов. Облачённые в чёрную глянцевую броню, украшенную блестящими чешуёй скорпионами, змеями и пауками, войска Механикус выглядели достойными соперниками Чёрным Храмовникам. Дробовики, метатели сетей и шоковые булавы показали Авреему, что его хотят взять живым, но не слишком беспокоятся, как сильно ему при этом достанется.

Кольцо воинов расступилось, чтобы магос Сайиксек смог встать перед ними, жрец Культа Механикус в тёмном капюшоне, который первым "приветствовал" Авреема и остальных на борту "Сперанцы". Его облачение и епитрахиль, украшенная вытравленными символами, были подёрнуты инеем, цилиндры похожего на паука ранца выпускали морозный пар, а обвивавшие тело магоса перекрученные кабели излучали холод. Его лицо скрывала бронзовая маска с угловатым вытянутым носом, как у чумного доктора с какого-то захолустного дикого мира.

- Я - Сайиксек, магистр двигателей, - произнёс магос, но Авреем уже знал это. Он уже встречался с ним, и информация обволакивала Сайиксека ноосферными волнами точно также как выдыхаемый машинами подёрнутый дымкой туман и справедливое негодование поведением Авреема. - Заявление: ты должен немедленно передать мне аркофлагелланта. Скажи, где он находится, его возможности и ключевую фразу, и как только я ампутрую незаконно установленную конечность, ты получишь наказание с более низким рейтингом. Отвечай немедленно.

- Расселас X-42 признал хозяином крепостного Локка, - сказал Тота Мю-32. - Для любого опасно изменять это. Вы не должны пытаться разорвать их связь.

Сайиксек склонил голову в сторону Тота Мю-32, как человек, который увидел какую-то гадость на подошве ботинка.

- Идентификация: Тота Мю-32, надсмотрщик Третий Лямбда. Ты не обладаешь достаточным рангом для такого заявления. Ты уже заслужил наказание, нарушив протокол биовнедрения. В случае продолжения неповиновения я лишу тебя звания и прослежу, чтобы твоя карьера была навечно связана с палубами переработки биологических отходов жизнедеятельности.

- Омниссия избрал крепостного Локка хозяином X-42, - продолжал Тота Мю-32. - Подобные смертельные машины - избранный инструмент воли Императора. Ему было суждено найти Расселаса X-42, я точно знаю это.

Авреем хотел сказать, что он с радостью отдаст аркофлагелланта и что вера Тота Мю-32 в него неуместна. Но стволы оружия заставляли держать язык за зубами. Сайиксек заговорил снова, и хотя его металлическое лицо осталось бесстрастным, Авреем почувствовал презрение в растущей ярости инфотока. - Ты заявляешь, что знаешь волю Омниссии, надсмотрщик?

- Нет, но я узнаю Его работу, когда вижу, - ответил Тота Мю-32. - Как узнали бы и вы, если бы соизволили покинуть высокие храмы инжинариума.

- Хватит, - сказал Сайиксек, махнув медной рукой и рассеивая холодные туманы. - Это - не дебаты. Сюзерен Травейн, взять их.

Скитарий рядом с Сайиксеком поднял дробовик, но прежде чем он успел передёрнуть затвор, из окружавшего Сайиксека тумана появилась металлическая рука и вырвала оружие. С громким треском оружие разломилось пополам, и Авреем увидел, как Исмаил протолкнулся сквозь ряды скитариев, встав перед Сайиксеком.

Он бросил обломки дробовика и произнёс. - Вам... нужно... уйти отсюда магос. Сейчас же.

Сайиксек отшатнулся от Исмаила и Авреем увидел всплеск отвращения магистра двигателей при виде сервитора, который обращался к нему явно по своей воле.

- Богохульство! - зло прошептал Сайиксек. - Вы все умрёте за эту техноересь.

- Но я ничего не делал! - закричал Авреем. - Он просто ударился головой!

- Воля Омниссии течёт в вас, Авреем, - сказал Тота Мю-32. - Не отрицайте её.

- Заткнись уже, пожалуйста! - выругался Авреем. - Послушайте, магос Сайиксек, я - не благословлённый Машиной, а всё произошедшее со мной - цепь глупых случайностей. В этом нет ничего мистического, во всём этом... Я не знаю совпадение это или какая-то дурацкая шутка!

Всё сказанное им было совершенно бессмысленным, и Авреем знал, что в любом случае Сайиксек не поверит ни единому слову.

- Все... вы, - произнёс Исмаил, его лицо исказилось от напряжения. - Должны... уйти. Авреема Локка... нельзя... трогать. Мы... не позволим... причинить вред нашему восстановителю.

Авреем слушал слова Исмаила, не понимая их, но зная, что они только глубже погружают его в болото, в котором он уже и так был по самую шею.

- Предостережение: сервитор не может ничего требовать, - сказал Сайиксек, контроль Механикус, наконец, взял своё, несмотря на испуганное недоверие.

Напряжение на лице Исмаила исчезло. - Я могу.

- Немедленно деактивируйся! - приказал Сайиксек, выпустив мощный поток бинарных отключающих команд.

Исмаил покачнулся от силы власти Сайиксека и опустился на колено перед магосом в красной мантии, склонив голову. Сайиксек направился мимо коленопреклонённого сервитора, но Исмаил протянул сервоконечность и крепко схватил его за руку.

Сервитор поднял покрытую металлом голову и посмотрел магосу прямо в глаза.

- Нет, - сказал он, вставая. - Мы. Не. Подчинимся.

Только теперь Авреем понял, почему Исмаил говорил мы.

Скитарии были окружены сплошным кольцом плоти и железа из сотен раздававших еду сервиторов, каждый из них внимательно наблюдал за развернувшейся в столовой драмой. На взгляд Авреема скитариев окружили, по крайней мере, пятьсот сервиторов, все тяжело аугметированные с мощными серворуками и блокираторами боли.

Исмаил как-то сказал, что может слышать других сервиторов, но Авреем и предположить не мог, что связь была взаимной.

- Он помогает нам помнить, - сказал Исмаил, оттолкнув Сайиксека. - И мы... не позволим вам забрать... его.

Сайиксек медленно осмотрелся вокруг и его ужас был очевиден даже несмотря на аугметику. Естественный ход вещей нарушился, и магистр двигателей понял, что оказался в реальной опасности. Сервиторы были безоружны и один на один не шли ни в какое сравнение с хорошо тренированными вооружёнными скитариями.

Но на их стороне было подавляющее численное превосходство и если дело дойдёт до насилия, то ни сам Сайиксек, ни эскорт скитариев не покинут это место живыми.

- Что ты наделал, крепостной Локк? - спросил Сайиксек. - Аве Деус Механикус... что ты наделал?

- Я ничего не делал!

Исмаил поднял механическую руку над головой, манипулятор на её конце сжался словно кулак.

И по всему ковчегу Механикус десятки тысяч кулаков взметнулись в его поддержку.

<http://tl.rulate.ru/book/30591/657879>